

НА ВЕСАХ ПОЭЗИИ

Принято поэтов проверять действительностью: жил в такую-то эпоху, видел такие-то события, общался с такими-то людьми – как пережил? как откликнулся?

Не вернее ли современность проверять поэзией: что подлинное? что бред? что в текущем общественном мнении условная патриотическая ложь и риторика? что подлинно и верно, как народное чувство?

Конечно, всякое явление может быть поэтической темой: нет тем высоких и подлых.

Все зависит от глубины захвата, от перспективной точки зрения: и малая лирическая строка является репликой, междометием, восклицательным знаком, многоточием, паузой в тексте человеческой трагедии.

Мы – актеры и статисты – не знаем ни трагедии, ни её плана, но всё то, что выпадает из него, всё-таки чувствуется безошибочно каким-то верхним режиссёрским нюхом.

Истинность явления, взятого вместе с ходовым отношением к нему, то есть в его политическом (вернее – политиканском) аспекте, всегда можно проверить, испробовав, является ли оно темой для стихотворения.

Поэзия ищет подлинного *имени*; поэтому те идеи, в которых отражены только приблизительные личины явлений, никаким образом не поддаются окончательному поэтическому сплаву.¹

Таким образом:

Каждое явление современности является малой чертой в единой человеческой трагедии.

Каждое явление может быть темой поэзии <постолько, поскольку поэт> почувствовал его место и соотношение с общим ходом трагедии.

Это создает постоянный и нормальный разлад между поэтом и его современниками.

Потому что в политической жизни народы, как актёры, играющие нутром, откликаются на текущие события страстно и слепо, без всякого предчувствия о дальнейшем ходе пьесы.

Их отношение всегда неверно: они знают свои реплики и не причастны замыслам драматурга.

А поэт – это только тот, кто причастен им.

В этом области поэта и пророка смешиваются и становятся неразличимы.

¹ Далее в черновом автографе: «Так попытки создать "научную поэзию" – не удавались. И это приговор материалистической науке: не как отдельным добытым фактам, а к<ак> философии мира. Её знание ничем не связано с внутренним "Я" человека, являющимся единственной темой поэзии. В редких же случаях, когда наука доходила до конечного обобщения, то обнаруживалось её тождество с древнейшими поэтическими уподоблениями.

Так гипотеза Рене Кентона о происхождении жизни из морских глубин, устанавливающая тождество между кровью и морской водой, неожиданно приблизила нас к образам поэзии, давно стёртым от частого употребления: "Сердце – Океан", "Мою любовь, широкою как море, вместить не могут жизни берега ...", "Здесь море ждёт тебя, широкое, как страсть ..." и т.д.»

(Интерпретацию изысканий Р. Кентона относительно связи между химическим составом морских организмов и водной средой см. в статье Волошина «Театр как сновидение»: Т. 5 наст. изд. с. 186).

Поэтому поэт обычно *не является* выразителем общественного чувства в самый момент переживания: ни в слепом энтузиазме, ни в тёмном осуждении, ни в панических страстях народных – нет поэтической истины.

Хотя сами они, понятые в связи с ходом истории, являются поэтической темой.

Когда говорят о поэте, как о выразителе чувств своего народа, это значит только, что народ впоследствии осознал себя по произведениям поэта и успел позабыть о своих быстро сменяющихся страстях и заблуждениях.

А отнюдь не то, что поэт разделял с народом последовательно все его заблуждения.²

Таким образом, значительность текущих событий может быть проверена поэтическими произведениями, ими вызванными.

Попробуем же проверить Русскую Революцию, начиная с февраля 1917 года, на пробном камне поэтических произведений, ею вызванных.

Февральская Революция, сопровождавшаяся таким энтузиазмом русского общества, осталась незапечатлённой в поэзии.

Первый из русских лириков – Бальмонт – пытался найти форму её восторгу.³

Со всех сторон требовали национального гимна революционной России.

Помню, как в марте на народных исторических концертах русской музыки многотысячная толпа со всех ступеней циркового амфитеатра требовала у Кусевицкого Революционного гимна.⁴

Кусевицкий обещал гимн к следующему разу.

Налицо были и заказ, и таланты, и добрая воля. Но ни композиторы, ни поэты, зажженные общим энтузиазмом, ничего не могли создать.

Бальмонт написал несколько прекрасных (формально) стихотворений.⁵

Гречанинов написал к ним музыку...⁶

Но ни слова, ни музыка не звучали народным гимном.

В чем же дело?

² В черновом автографе далее зачеркнуто:

«Кажется, это ясно?

(Добавлю только, что говорю все время о поэте, как о священнослужителе, о провидце, которым он бывает лишь моментами. Как человек – он может разделять все заблуждения и предрассудки толпы. – "Пока не требует поэта..." - он находится во власти всех слепых вихрей и страстей.)»

³ Ср. в черновом автографе:

«Талантливейший из поэтов-энтузиастов – Бальмонт, пытался найти форму её восторгу. И это не удалось».

⁴ Имеется в виду состоявшийся в Москве 9 апр. 1917 концерт «Утро музыки и поэзии для народа под управлением С.А. Кусевицкого, на котором Волошин присутствовал вместе с Бальмонтом (Труды и дни-2. стр. 18).

⁵ Стихотворения К. Д. Бальмонта, вдохновленные событиями Февральской революции, частично вошли в раздел «1917 год» его книги «Революционер я или нет (Стихи и проза)» (М., 1918); они были опубликованы в 1917 в газетах в первые пореволюционные дни: «Весенний клич» (Утро России. № 59. 2 марта), «Москва, 2-го марта 1917 года» (Там же. №60, 3 марта), «Единение» (Русское Слово. №52, 7 марта), «Слава народу», «Слава солдатам» (Утро России. №69. 12 марта) и т. д.

⁶ 13 марта 1917 в Москве в Большом театре был исполнен гимн А. Т. Гречанинова на слова К.Д. Бальмонта «Да здравствует Россия, свободная страна!»

Львов, написавший величественный гимн Императорской России,⁷ не был талантливее Гречанинова и Бальмонта.

Но его взмыло глубокой внутренней волной, и «Боже, Царя Храни» явилось действительным выражением самодержавной мощи.

Недаром коронованный фельдфебель с головой Юпитера Статора и водянистым удавчим взглядом,⁸ заморозившим Россию на тридцать лет, обнял композитора и сказал: «Ты понял мою мысль».

Почему же волна энтузиазма обошла стихи Бальмонта и музыку Гречанинова?

Почему новый кольчатый змий, становившийся отныне господином России, не был удовлетворен их работой?

В то время это не было понятно.

Теперь, когда отжиты три года Революции, и когда на наших глазах по поводу празднования её второй годовщины самими революционерами выносились резолюции: «праздновать нечего», – нам виднее.

Представьте себе героя трагедии, который встречает цветами и плясками вестника, несущего ему смертный приговор, принимая его за жданного вестника радости и освобождения.

Примете ли вы участие в его ликовании?

А дело обстояло именно так.

В феврале в России произошёл типичный солдатский переворот со всеми его типичными и неизбежными последствиями.

Началось общее разложение, которое должно было привести её к окончательному распаду и государственному уничтожению.

Всё это началось с падения династии и императорского строя.

Русское же общество (интеллигенция) и большинство политических партий, уже много десятилетий ожидавшие революции, приняли внешние признаки за сущность события и радовались симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления.

Трагикомическая и роковая ошибка...

Ясно помню ту минуту, когда я смутно начал осознавать её.

Это было 12 марта.

Москва ещё переживала революционную идиллию, и было принято говорить о «бескровной революции».

Это была ложь, потому что революция не была бескровной с самого первого своего часа: в Петербурге убивали городских и уже проливалась кровь офицеров. Но этой новой официальной лжи верили и на факты не хотели обращать внимания.

12 марта на Красной Площади был назначен народный парад в честь торжества Революции.

⁷ «Боже, Царя храни» – государственный гимн Российской империи; музыка А.Ф. Львова (1833) на текст стихотворения В.А. Жуковского.

⁸ Статор (*лат.* stator – хранитель) – в римской мифологии одно из определений Юпитера, бога неба, дневного света, грозы, победы. Подразумевается император Николай I. Ср. в поэме Волошина «Россия» (1924): « ...Николай, / Десятки лет удавчими глазами / Медузивший засеченную Русь» (Т. 1 наст. изд. Стр. 371).

Две вещи в тот день останавливали внимание: плакаты с надписью «Без аннексий и контрибуций!», впервые появившиеся в этот день, и деревенские слепцы, пришедшие в Москву, благодаря отсутствию полиции, которая до сих пор не пускала их.

Слепцы стояли на папертях кремлевских церквей и у Лобного Места и пели старинные «Стихи» об Алексее человеке Божьем и о Голубиной Книге.⁹

От этого заунывного пения куда-то проваливался революционный парад, разверзались незапамятные окоёмы души, а в глазах оставались только красные лоскуты знамён и кокард, точно пятна крови, проступившие из-под напитанных ею камней, глухой шорох надвигающейся толпы, шлепающей по грязи, смешанной со снегом, – Москву развезло в этот день первой весенней оттепелью, – да на фоне кремлёвских стен резали глаз своей зловещей бессмыслицей слова «без аннексий и контрибуций!».

В этот день катастрофа, постигшая Россию, впервые начала осознаваться роковой и кровавой, и тут же начали складываться слова и ритм стихотворения¹⁰:

*В Москве на Красной площади
Толпа черным-черна.
Гудит от тяжкой поступи
Кремлевская стена.*

*На рву у Места Лобного,
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.*

*Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят.
Все груди красным мечены
И плещет красный плат.*

*По грязи ноги хлюпают ...
Молчат... подходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд...*

В этом стихотворении, как показали последующие события, была правда, но она шла настолько вразрез с общим настроением, что не могла быть ни воспринятой, ни услышанной.

О том, чтобы его напечатать в те месяцы, не могло быть и речи.

Весь первый период Революции был вопиющим противоречием между всеобщим ликованием и реальной действительностью.¹¹

Все дифирамбы, которые возглашались в то время в честь свободы и демократии, все статьи, которые писались в газетах, все речи, которые

⁹ См. примеч. 9-12 к лекции «Россия распятая» (С. 895-896 наст. тома).

¹⁰ «Москва (Март 1917 г.)» (20 нояб. 1917; см.: Т. 1 наст. изд. Стр. 254).

¹¹ В черновом автографе: « ... реальной действительностью её, нашедшей свое полное воплощение в большевизме. Поэтому поэты и не могли ничего сказать».

произносились на митингах, – были ложью; поэтому поэты ничего не могли сказать в те дни: то, что терпимо и даже убедительно в газете, в стихе звучит нестерпимую фальшью.¹²

Настоящий лик Русской Революции, тайно назревавший с самого первого дня её, обнаружился только в октябре, когда с него спала последняя шелуха идеологий.

Большевизм был подлинным лицом её, выявившимся явно, когда разошлась муть солдатского бунта и завершилось разложение армии.

Правда была неожиданная, зловещая, но это была правда.

Вместе с нею и поэтам возвращается дар речи.¹³

Первой книгой стихов, которой русская поэзия ответила на большевицкий октябрь,- <была> «Молитва о России» Ильи Эренбурга.¹⁴

По глубине и напряжённости чувства эта книга самое сильное из всего, что было сказано о Русской Революции.

Она написана в самый момент октябрьского переворота. Как при извержении вулкана выбрасывается наружу и огонь, и лава, и пепл, и шлаки, и серные газы, и кипящая грязь, – так в этой книге, рожденной взрывом негодования, жалости и отчаянья, есть всё: и ценное, и дешевое, и случайное, и вечное.¹⁵

¹² В черновом автографе вместо этого абзаца следующий фрагмент:

«Если теперь – глядя из исторической перспективы, решать, что могло быть поэтической "темой", то я их вижу две (если не считать уже упомянутого трагического недоразумения: ликования русской интеллигенции, принявшей свой смертный приговор за весть об освобождении):

Первая – это фигура лютеранки, ставшей православной Царицей, в связи с роковой и символической фигурой Распутина и его смертью как финал династии. Эта тема, кажется, уже разработана Гумилёвым в его последней книге. Но я не видал самой поэмы.

Вторая – это партия террора, которая, оказавшись у власти вопреки здравому смыслу, вопреки необходимости, прежде всего отказывается от пролития крови. Трогательная и прекрасная нелепость, последний жест, с которым русская "интеллигенция" уходит со сцены и, вероятно, навсегда.

Все остальные темы, которых, конечно, неисчислимо количество, всегда будут связаны с одной из этих».

(В тексте упоминаются последняя российская императрица Александра Федоровна (наст. имя Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская; 1872-1918), жена Николая II с 1894, находившаяся под сильным влиянием Г. Е. Распутина, и стихотворение Н.С. Гумилёва «Мужик», опубликованное в его книге «Костёр» (СПб., 1918); см.: Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 261-262 (Новая б-ка поэта).

¹³ Далее в черновом автографе:

«Ясно помню собственное состояние напряженности и невозможность найти хоть одно формулирующее слово в месяцы, предшествовавшие октябрю. И в то время, когда кажется, что Россия переживает последнее падение – дар речи неожиданно возвращается».

¹⁴ Книга И. Эренбурга (М., 1918), состоящая в основном из стихотворений, написанных в ноябре-декабре 1917, вышла в свет в январе 1918. Волошин подробнее характеризует её в статье «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (Стр. 37-45 наст. тома).

¹⁵ Далее в черновом автографе: «Эта первая книга, достойная Революции, вся строится вокруг двух идей: родины и церкви, неожиданно очистившихся и окрепших среди распада России».

«Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, да очервленит ю кровью мученической...» – писал в XVII веке Протопоп Аввакум.¹⁶

*И смеется, кружась, над тобой сатана,
Что была ты Христовой звана... –*

писал Вячеслав Иванов в 1905 году.

Эта же тема развивается и у Эренбурга:

*«Господи, пьяна, обнажена –
Вот твоя великая страна!..
...Была, росла и молилась и нет её больше ... »¹⁷*

Пафос мученичества, гибели, последнего отчаяния – вот то, что русская действительность высекает из сердец своих поэтов.

Не идея мятежа и свободы, а старые и давно в русской литературе скомпрометированные идеи церкви и родины послужили темой для первой книги стихов, достойной своего времени.

Поэма Блока «Двенадцать» построена около той же темы – противуположения христовосной России и её исторических реальностей.

Эту вьюжную поэму петербургской зимней ночи, в которой двенадцать красногвардейцев расстреливают своего Христа, партийным критикам понадобилось так исказить для своих целей, и удалось напустить такого туману, что сейчас едва ли кто из читателей ясно понимает её смысл.

Иванову-Разумнику – первому критику поэмы¹⁸ – удалось тютчевского Христа, в рабском виде проходящего по поэме Блока, благословляя Русскую землю,¹⁹ посредством неприличных передержек и игры словом «впереди», превратить в большевицкого вождя, а красногвардейцев, играя на цифре «двенадцать» и на именах «Петруха» и «Ванька» – в апостолов.

Но эти наваждения пройдут, а поэма останется.²⁰

Не Блок ли десять лет назад писал о России:

¹⁶ Эту цитату из «Жития протопопа Аввакума» (1672-1675) Волошин поставил эпиграфом к разделу «Ангел Мщенья» книги стихов «Демоны глухонемые». См.: Волошин Максимилиан. *Демоны глухонемые*. Харьков: Камена, 1919. стр. 8.

¹⁷ Цитаты из стихотворения «Молитва о России» («Эх, настало время разгуляться...», ноябрь 1917). См.: Эренбург Илья. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. Стр. 299, 300 (Новая б-ка поэта).

¹⁸ Подразумевается статья Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре», впервые опубликованная в «литературно-политическом журнале революционного социализма» «Наш путь» (1918. N1, апрель. С. 131-158); этот номер журнала открывался поэмой А. Блока «Двенадцать» (Стр. 1-12).

¹⁹ Имеются в виду строки стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855): «Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил, благословляя».

²⁰ Далее в черновом автографе: «В ней гораздо больше жизни, чем политики. Но останется и чисто политическое стихотворение Блока "Скифы", которое, несмотря на явно неверные политические утверждения, таит в себе колдовскую силу головокращения».

*...Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу...
Пуускай заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты!
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.
Ну что ж: одной заботой боле,
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...²¹*

Эти стихи могут быть ключом ко всему отношению Блока к большевикам: «Пуускай заманит и обманет ...»

Большевизм на весах поэзии – явление национальное. Это определение, конечно, не может встретить сочувствующих ни по ту, ни по эту сторону фронта, потому что для Добровольцев большевизм может быть только заговором злоумышленников-германцев или евреев, безразлично, – а для самих большевиков он – начало Всемирной Революции, то есть явление интернациональное, а отнюдь не национальное.²²

Суть в том, что древняя, тёмная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, сразу выступила из берегов, как только большевицкая пропаганда (от кого бы и во имя чего бы она ни исходила) обратилась с призывом к жадным, мрачным и разбойничьим сторонам русской души.²³

Тогда из народной глубины поднялись страшные призраки XVI и XVII века, которых мы считали давно похороненными.

Но оказалось, что они живы и переполнены сил, и что всё это время они жили рядом с нами, задыхаясь под железными обручами, которыми их сковала Петербургская Империя.

²¹ Цитата из стихотворения «Россия» («Опять, как в годы золотые... », 1908). См.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997, т. 3, стр. 173-174.

²² Вместо этого абзаца в черновом автографе:

«Вообще можно констатировать, что большевизм, как поэтическая тема, является событием очень глубоким и подлинным, в противоположность первой половине Революции».

²³ Вместо этого абзаца в черновом автографе – заключительный фрагмент всего текста:

«Суть здесь, конечно, в том, что жизнь – древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом государственности, сразу перелилась через край большевицкой программности. Поскольку большевизм остается партией и программой, как в стихах присяжных большевицких поэтов Клюева и Есенина (если верить предисловию того же Иванова-Разумника), – он мало интересен. В их произведениях хорошие строфы, написанные подлинным языком, механически чередуются с официально-программным барабанным боем, который ничем не отличается ни от военных, ни от патриотических стихов старого времени. Уж таково свойство политических идеологий, каким бы содержанием они не были наполнены.

Но так как в большевизме, как в явлении, гораздо больше воскресших призраков исконного русского бунтарства, разбоя да разгула, чем идеологии, то он и являет для поэтов неисчерпаемые рудники тем. Таков приблизительный удельный вес различных моментов русской Разрухи на весах поэтического творчества.

Но считаю необходимым оговориться, что на весах государственного строительства оценка явлений получается диаметрально противоположная. Что и естественно».

Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России, которую предстоит связать со всем нашим мирозерцанием и идеологическим отношением к России.

Поэтому большевизм является и, вероятно, останется самой глубокой и плодотворной темой для Русской поэзии.

Я, конечно, говорю о большевизме как о народном явлении, а отнюдь не о партии и не о программе.

В стихах присяжных большевицких поэтов – Клюева и Есенина (каковыми их признает тот же Иванов-Разумник) – большевизм отнюдь не интересен.

В их стихах хорошие строфы, написанные подлинным народным языком, чередуются с официальным барабанным боем, ничем не отличающимся от военных и патриотических стихов недавнего прошлого.

Но я слышу негодующие вопросы: «А Добровольческая Армия? Неужели её героизм и её деяния не являются темой для поэзии?»

Определим точнее понятия: говоря о темах для поэзии, я вовсе не рассматривал поэзию как лавровый венок, увенчивающий героя, или как оркестр, играющий на его похоронах траурный марш, хотя такие точки зрения не только возможны, но и общеприняты; я говорил только о тех моментах, когда раскрывается правда о судьбе народа, как бы она ни была беспощадна и сурова, о тех исторических репликах, о которых выявляется построение осей трагедии данной расы.

Русской поэзии мало свойственны черты оды и дифирамба: она гораздо чаще была поэзией самопознания при свете собственной совести. Это мне и дает право рассматривать темы Русской Революции с этой точки зрения.

Их раскрывается много и помимо большевизма, но раскрываются они медленно и постепенно, потому что самые явления слишком близки к нам и ещё нет достаточного разбега для взгляда.

Конец Петербургской Империи, эпилог династии патриарха Филарета²⁴, моральное лицо трехсотлетнего Дома, занимавшего престол, – все это темы, раскрытые Революцией, требующие для себя ответа, но пока ещё слишком мало осознанные моральным самосознанием народа.

Поразителен, но ещё загадочен как тема смысл последнего царствования: эта императорская чета, ненавидящая русскую интеллигенцию (быть может, вполне резонно), порывающая с последними дворянскими родами, окружающими престол, слепо верящая в народ: «народ нас знает, народ нас поймёт» – и гибнущая где-то, в разбушевавшихся пучинах этого самого народа глухо, безвестно, сомнительно, по какому-то тёмному приказу,²⁵ гибнущая так, что единственным свидетельством гибели остаётся безграмотная надпись на немецком языке, сделанная углём на деревянной стене: «Этой ночью здесь был убит Царь».

Реальная фигура Николая II, если только он не станет героем народной легенды, что возможно благодаря темноте, окружающей его исчезновение, едва ли

²⁴ Патриарх Филарет был отцом царя Михаила Федоровича, первого в династии Романовых, и фактическим правителем страны с 1619 по 1633.

²⁵ Этой темы Волошин специально касается в наброске «О цареубийстве» (Т. 6-2, Стр. 663-665).

может стать темой для поэзии: в этом византийце и шармёре, тонком политике и неумном человеке слишком много оттенков, а поэзия нуждается в символической упрощенности знака.

Облик Императрицы – протестантки, принявшей православие со всей искренностью души, стосковавшейся в голых стенах кирки по пышной и мифологической обрядности органической религии, уподобившейся вполне какой-нибудь старой московской царице XVII века вроде Марьи Ильинишны Милославской с её юродивыми, богомолками, верой в чудеса и мощи, принявшей Распутина как провиденциального посланника, пришедшего к ней из самых недр народного духа, этот трагический и яркий облик, конечно, заслонит в поэзии фигуру Николая.

Наконец, поразительна глубока по своему ещё не выявленному символическому смыслу фигура самого Распутина, тяжестью своего трупного сломавшего печать, которой были замкнуты бесы мятежа и распада.

Эти облики драгоценны для поэзии, как знаки, через которые сказалось многое о судьбе России, так же как сквозь личины большевизма.

В деяниях же и в ещё не завершённом подвиге объединения и восстановления России Добровольческой Армией эти знаки ещё не выявлены. Мы надеемся, но ещё не знаем, будет ли и во имя чего будет восстановлена русская государственность.

Если в большевиках мы видим неугасимый разбойничий дух старой Московской Руси, то Добровольцы – это последняя вспышка отмирающей, дворянской и помещичьей культуры XIX в. Это семя, которое умрёт, чтобы принести плоды. Какие – мы не знаем ещё.

Связь этой реплики с общим ходом русской трагедии ещё не ясна.

Поэтому ещё не возможен к ней глубокий поэтический подход.

Печатается по машинописному тексту из архива Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 338, л. 7-10 об. Над текстом: «Максимилиан Александрович Волошин. Коктебель. Крым»). Там же (л. 1-6) - черновой автограф статьи (под заглавием «Революция, проверенная поэзией»; с пометой: «Нежинская 36, кв. 2. Максимилиан Волошин» (адрес квартиры Цетлиных в Одессе, по которому Волошин проживал в январе-апреле 1919).

Сохранился также черновой набросок, представляющий собой, по всей вероятности, первоначальную фиксацию замысла статьи; опубликован В. В. Базановым в сб. «Литература и история» (С. 345-346):

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

За два истекших года и Революция и русская поэзия, отражающая её, сделали некоторый пробег, позволяющий расставить кое-какие вехи.

Далеко не всякое явление, далеко не всякая мысль может быть "темой" для поэзии. Вовсе не потому, что темы делятся на "подлые" и "высокие", а потому, что

и самое малое лирическое стихотворение и простенькая песенка являются репликой, простым междометием в тексте всечеловеческой трагедии и должны быть связаны с ней.

Ни самой трагедии, ни её плана мы не знаем, а в то же время всё, выпадающее из него, мы чувствуем отчетливо и сразу тем чутьем, которое показывается художественным вкусом.

Создание новых поэтических тем весьма трудно, особенно, если это касается современности: в отдельных её проявлениях поэт должен найти их связь с общим течением и смыслом истории. Эта связь, конечно, может быть уловлена только внеэзучным мышлением – интуитивным творчеством.

В темах, усвоенных поэзией, таится некая конечная истина. Те же приблизительные обобщения, те маски явлений, в которых ее нет, – не поддаются поэтическому творчеству.

Сколько было в недавнее время попыток создать "научную поэзию".

Ни одна не удалась. Неудача лежала в свойствах научного знания XIX в.: осязательного познания внешнего материального мира, ничем не связанного с внутренним "Я" человека и его трагедией.

Между тем, когда в редких случаях наука доходила до конечного обобщения, как это было, например, в гипотезе Рене Кентона о происхождении биологического существования из морских глубин, устанавливавшей тождество между человеческой кровью и морской водой, – тогда выявлялась близость научной истины с древнейшими поэтическими уподоблениями: "сердце – океан", "мою любовь широкую, как море, вместать не могут жизни берега", "здесь – море ждёт тебя широкое, как страсть", и другие подобные же образы, от частого употребления стертые как серебряная монета.

Поэтому поэтическими произведениями до известной степени можно проверить конечную ценность идей и текущих событий.

Попробуем проверить смысл и ценность русской революции по тем стихам, которые она вызвала у поэтов.

Февральская революция, сопровождавшаяся таким энтузиазмом, не отразилась в поэзии ничем. Поэты пробовали откликаться на неё, дать слово и форму её энтузиазму. Но это не удавалось. Русский поэт наш... *(На этом текст обрывается)*.